

ПОЛИТИКА АВСТРО-ВЕНГРИИ ВО ВРЕМЯ БАЛКАНСКИХ ВОЙН 1912–1913 годов В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ*

Котов Борис Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

E-mail: bs.kotov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается отношение ведущих органов российской прессы начала XX в. к политике Австро-Венгрии в период двух Балканских войн 1912–1913 гг., чрезвычайно обостривших международную ситуацию и поставивших Россию и Австро-Венгрию на грань войны из-за борьбы за влияние на страны Балканского региона. Констатируется, что политика Австро-Венгрии привлекала к себе пристальное внимание российского общества на протяжении всего балканского кризиса 1912–1913 гг., в ходе которого в России произошел заметный рост антиавстрийских настроений. Империя Габсбургов, противодействовавшая Балканскому союзу, в первую очередь Сербии и Черногории, и стремившаяся путем создания Албании ограничить приобретения двух этих православных славянских государств, воспринималась в России в качестве главного врага славянства. Развал Балканского союза и начало Межсоюзнической войны летом 1913 г. были восприняты в России как наивысшее достижение австрийской дипломатии. Однако в оценке результатов этой войны российская общественность не была столь единодушна. Наряду с утверждениями о полном торжестве Австро-Венгрии в прессе довольно часто высказывалось мнение, что, развалив Балканский союз, империя Габсбургов одержала пиррову победу: вместо гегемонии Болгарии австрийцы получили на Балканах усилившуюся Сербию, вместо союза Болгарии, Румынии и Турции, о котором мечтали в Вене, возник блок Сербии, Греции, Черногории и Румынии, направленный как против болгарского реваншизма, так и против австрийского экспансионизма. Анализ прессы позволяет сделать вывод, что во время балканского кризиса 1912–1913 гг. в восприятии русского общества прочно утвердился образ австрийского врага. Начавший формироваться в середине XIX в. под влиянием поведения Вены во время Крымской войны образ вероломной и враждебной не только России, но всему славянству империи Габсбургов в период двух Балканских войн стал доминирующим в большинстве ведущих российских изданий.

Ключевые слова: Россия, Австро-Венгрия, Балканские войны 1912–1913 гг., Сербия, Черногория, Болгария, Греция, Румыния, Албания, Османская империя, российская пресса.

* Окончание. Начало см. в № 4 нашего журнала за 2019 г.

B. C. Kotov**Policy of Austria-Hungary During the Balkan Wars of 1912–1913 in the Estimates of the Russian Press***Boris Kotov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).**E-mail: bs.kotov@mail.ru*

Abstract. The article examines the attitude of the leading Russian media of the early XX century to the policy of Austria-Hungary during the two Balkan wars of 1912–1913, which extremely aggravated the international situation and put Russia and Austria-Hungary on the brink of war because of the struggle for influence on the countries of the Balkan region. It is stated that the policy of Austria-Hungary attracted the attention of Russian society throughout the Balkan crisis of 1912–1913, during which there was a noticeable increase in anti-Austrian sentiments in Russia. The Habsburg Empire, which opposed the Balkan Union, first of all Serbia and Montenegro, and sought by the creation of Albania to limit the conquest of these two Orthodox Slavic States, was perceived in Russia as the main enemy of the Slavs. The collapse of the Balkan Union and the beginning of the Interallied war in the summer of 1913 were perceived in Russia as the highest achievement of Austrian diplomacy. However, in assessing the results of this war, the Russian public was not so unanimous. Along with allegations about the complete triumph of Austria-Hungary, the press often expressed the opinion that, after the collapse of the Balkan alliance, the Habsburg empire won the Pyrrhic victory: instead of the hegemony of Bulgaria, the Austrians received in the Balkans strengthened Serbia, instead of the Union of Bulgaria, Romania and Turkey, which dreamed of in Vienna, there was a block of Serbia, Greece, Montenegro and Romania, directed against both Bulgarian revanchism and Austrian expansionism. The analysis of the press allows to conclude that during the Balkan crisis of 1912–1913 the image of the Austrian enemy was firmly established in the perception of Russian society. The image of treacherous and hostile not only to Russia, but to the entire Slavs of the Habsburg Empire, which began to form in the middle of the XIX century under the influence of Vienna's behavior during the Crimean war, during the two Balkan wars became dominant in most leading Russian publications.

Keywords: Russia, Austria-Hungary, Balkan wars of 1912–1913, Serbia, Montenegro, Bulgaria, Greece, Romania, Albania, Ottoman Empire, Russian press.

Хотя по албанскому вопросу на Лондонской конференции послов удалось достичь компромиссного соглашения, крайне напряженная ситуация в Европе сохранялась и в последующие месяцы. Мобилизованные австрийские войска продолжали угрожать Сербии и России, а российское военное ведомство демонстративно тянуло с демобилизацией солдат последнего срока службы, сконцентрировав значительные силы в приграничном с Австрией районе. Содержание мобилизованных войск дорого обходилось как России, так и Австрии, но для последней — ввиду ее тяжелого финансового положения и обструкции чешских депутатов в австрийском парламенте, что делало невозможным принятие полноценного бюджета и введение новых налогов, — военные меры, предпринятые осенью 1912 г., были особенно тяжелы и разорительны. К тому же в австро-венгерской армии среди рядовых и офицеров, представлявших славянские народности империи (чехов, словаков, хорватов, словенцев), росло недовольство агрессивными действиями правительства в отношении югославянских балканских государств и перспективой войны с Сербией, Черногорией и, возможно, Россией из-за границ Албании. В некоторых армейских частях начались волнения, грозившие перерасти в бунты.

В этих условиях в Вене все больше склонялись к прекращению чрезвычайных военных приготовлений, по крайней мере на русской границе в Галиции. Тем более что главная цель австрийской дипломатии — выдавливание сербов из Албании — уже была

достигнута. Чтобы побудить Россию вернуть войска к нормальному составу мирного времени, в Петербург в конце января 1913 г. был отправлен со специальной миссией полковник австро-венгерской армии князь Г. фон Гогенлоэ, занимавший с 1902 по 1907 г. должность военного агента в России. С собой он вез собственноручное письмо императора Франца Иосифа к Николаю II, в котором император Австрии и король Венгрии уверял русского царя в своих мирных намерениях и подчеркивал, что чрезвычайные военные меры в Галиции имеют оборонительный характер, предприняты на случай неожиданных событий и не направлены против России. 3 февраля (21 января) князь встретился с царем в Санкт-Петербурге.

Результатом миссии Гогенлоэ стало опубликование 11 марта (26 февраля) 1913 г. в России и Австрии идентичных коммюнике, в которых заявлялось о прекращении чрезвычайных военных мер на австро-русской границе. Такое урегулирование мобилизационного кризиса было для Австро-Венгрии весьма выгодно, поскольку демобилизации подлежали лишь войска в Галиции, но не на сербской границе, где Вена в марте даже усилила свои военные приготовления. Дислоцированные в Боснии и Южной Венгрии 15-й и 16-й корпуса продолжали угрожать Сербии и Черногории, оставаясь важным силовым аргументом в политической игре Вены. Тем не менее мартовская демобилизация (оказавшаяся для Австрии лишь частичной) сняла непосредственную угрозу военного столкновения России и Австрии, несколько ослабив международную напряженность.

Известие о прибытии в Россию личного посланника Франца Иосифа сначала вселило в российское общество надежду на скорую нормализацию ситуации в Европе, остававшуюся взрывоопасной вследствие поведения Австро-Венгрии. На страницах газет высказывались осторожные предположения о готовности Вены отказаться от своей антисербской позиции и после достигнутого на Лондонской конференции успеха не препятствовать дальнейшему территориальному расширению балканских победителей.

Залог мирного разрешения балканского кризиса российские издания усматривали в личности императора Франца Иосифа, которому якобы были чужды воинственные авантюрные планы австрийских «ястребов», группировавшихся вокруг начальника Генштаба Хётцендорфа и эрцгерцога Франца Фердинанда. «Престарелый, всеми чтимый монарх не может желать омрачения второй половины своей жизни кровавыми испытаниями. Его именное послание должно заключать в себе весть мира»¹, — писало «Новое время». «Утро России» также приветствовало прибытие в Петербург принца Гогенлоэ как «явное доказательство поражения австрийской военной партии»². Эта газета противопоставляла Австрию «разумную, верную политической корректности и умеренности своего венценосного вождя», Австрии воинственной, «бряцающей оружием», олицетворяемой фигурой наследника престола.

Однако, когда стали известны условия русско-австрийского соглашения о демобилизации, подавляющее большинство русских газет оценило его негативно, поскольку соглашение это не ликвидировало опасность вторжения войск дуалистической монархии в пределы Сербии. Отечественная пресса усмотрела в нем очередную ненужную уступку российского министерства иностранных дел Австрии, которая гораздо больше, чем Россия, была заинтересована в прекращении мобилизационного кризиса. Газеты напоминали, что мобилизация русских войск на границе с Австро-Венгрией была демонстрацией поддержки Россией балканских союзников. Теперь ропуск русских запасных формирований на галицийской границе развяжет руки австрийской дипломатии и спасет Дунайскую монархию от перспективы финансового банкротства.

¹ Новое время, 20.I.1913.

² Утро России, 24.I.1913.

Крайнее недовольство выражали контролировавшиеся октябристами и прогрессистами панславистские издания Петербурга и Москвы. «Наша демобилизация совершенно неравноценна с демобилизацией австрийской. Преимущество остается на стороне Австрии», — писало «Новое время»³. «Утро России» было уверено, что на австрийское обещание не предпринимать ничего враждебного против Сербии и Черногории полагаться нельзя: наивно доверять правительству, «в котором свято придерживаются дипломатических заветов Меттернихов, Андраши и Эренталей»⁴. Соглашение о демобилизации газета расценила как очередную победу Австрии и как новую политическую ошибку России, которую нельзя объяснить ничем иным, кроме традиционно-го стремления российской дипломатии проявлять миролюбие во что бы то ни стало.

Достигнутое в результате миссии Гогенлоэ решение мобилизационного кризиса не вселяло оптимизма и в кадетов, обращавших внимание на то, что Австрия не откасалась от давления на Белград. Более того, в последнее время Бальхаусплатц предъявил требование уже к черногорцам — снять осаду крепости Скутари, которая по решению Лондонского совещания послов должна войти в состав будущей Албании. Не отказались в Вене и от идеи проведения свободного железнодорожного пути через территорию Сербии к Салоникам. «Все это показывает, что трудности не только не ликвидированы решением о демобилизации, но в значительной степени этим решением вовсе и не затронуты»⁵, — писала газета «Речь», приходившая к выводу, что нельзя говорить об ослаблении военной опасности, исходящей от Дунайской империи.

«Московские ведомости» были уверены, что примирение России и Австрии не может быть долговечным — слишком различны их интересы на Балканах. Обе державы поддерживают в этом регионе разные враждебные друг другу силы: империя Габсбургов — Турцию, Румынию и Албанию, Россия — государства Балканского союза. «Австрия, в каких бы случайно дружественных отношениях мы с ней ни находились, по существу своему представляет опаснейшего и сознательного врага России. Она держится тем, что нам враждебно, она уничтожает все, что нам дружелюбно, нужно и полезно»⁶. Поэтому, несмотря на официальные заявления Бальхаусплатц о дружеских чувствах императора Франца Иосифа к российскому самодержцу и стремлении сохранить мир, газета не придавала этим декларациям существенного значения. Прочный мир, по ее мнению, возможен только в том случае, если Австрия не будет мешать странам Балканского союза, стремящимся обеспечить за собой плоды победы над «турецким вурдалаком».

Пожалуй, только либеральные «Русские ведомости», которым были чужды славянофильские и экспансионистские идеи и они крайне негативно относились к возможности втягивания России в балканский конфликт, выражали удовлетворение в связи с русско-австрийским соглашением о демобилизации. «Оно освобождает нас от опасности войны из-за Дураццо, и потому мы его приветствуем»⁷.

Тем временем боевые действия на Балканах продолжались. После падения Янины и Адрианополя единственной укрепленной позицией турок на Балканах осталась крепость Скутари, расположенная в северной части Албании. Ее осаждали войска черногорского короля Николы Негоша, стремившегося присоединить Скутари вместе с близлежащими землями к своим владениям. Против этого решительно выступила Австро-Венгрия, настаивавшая на включении Скутари в состав образуемого по воле держав албанского государства. С австрийским вариантом решения этого спорного

³ Новое время, 28.II.1913.

⁴ Утро России, 28.II.1913.

⁵ Речь, 28.II.1913.

⁶ Московские ведомости, 30.III.1913.

⁷ Русские ведомости, 2.III.1913.

вопроса согласились все великие державы, включая Россию. 22(9) марта 1913 г. они призвали черногорцев и помогающих им сербов снять осаду крепости, прекратить боевые действия на территориях, отходящих к Албании, и немедленно вывести оттуда свои войска. В Цетинье, однако, проигнорировали данные призывы; черногорская армия продолжила вести боевые действия у стен Скутари. Никола Негош надеялся, что противоречия между Тройственным союзом и Антантой сделают невозможным коллективное давление держав на его страну.

В Австро-Венгрии такое упорство крошечного балканского государства вызывало крайнее раздражение. Вена предлагала остальным державам осуществить меры военного принуждения против строптивых черногорцев, угрожая в случае отказа самой принудить Черногорию к выполнению решений Лондонской конференции. Вырисовывалась перспектива единоличного военного выступления Австрии на Балканах, казалось устранившая в декабре 1912 г. после удовлетворения австрийского требования создать отдельную Албанию и не пустить сербов к Адриатике. Таким образом, весной 1913 г. новый конфликт — на этот раз австро-черногорский — снова угрожал европейскому миру.

Чтобы не допустить военного вмешательства Австрии в Балканскую войну и сохранить единство действий европейских держав в ближневосточном вопросе, российское Министерство иностранных дел выступило с инициативой оказать совместное давление на Черногорию, организовав у ее берегов в Адриатическом море демонстрацию флотов великих держав. 31(18) марта 1913 г. решение о проведении такой демонстрации было принято всеми участниками Лондонской конференции послов. Через десять дней перед черногорской гаванью Антивари появились боевые корабли великих держав, за исключением России, которая хотя и одобрила проведение этой акции устрашения, но отказалась посылать свои суда против Черногории. Эта демонстрация повлияла на Сербию (правительство Н. Пашича приняло решение прекратить доставку под Скутари подкреплений), но не на Черногорию, не оставившую надежд на захват и присоединение крепости, судьба которой неожиданно стала главной проблемой европейской политики.

Австрийское давление на Черногорию, ультимативные требования к ней снять осаду Скутари, прозвучавшие сразу же после русско-австрийского соглашения о демобилизации, были расценены русской прессой как еще одно доказательство крайней двулличности и коварства австрийской политики.

«Шестьдесят лет назад Австрия удивила мир своей неблагодарностью, а теперь преемники Меттерниха поражают Европу своим вероломством... Двуетидные чербе-ры, наконец, сорвались с цепи и кинулись на маленькую Черногорию, истекающую кровью у твердынь Скутари»⁸, — писало «Русское слово». Эта газета была убеждена, что австрийский ультиматум означает поражение российской дипломатии; теперь становится ясно, что Россия поторопилась свернуть чрезвычайные военные приготовления на галицийской границе. «Русское слово» полагало, что выходом из возникшего политического кризиса может быть заявление балканских союзников о том, что они готовы подчиниться воле Европы и отказаться от Скутари: пусть лучше черногорцы уступят концерту европейских держав, чем одной Австрии.

«Московские ведомости» считали, что Дунайская монархия сознательно ведет дело к развязыванию общеевропейского конфликта. После блестящих побед Балканского союза, когда, кажется, Салоники навсегда уплывают из рук Австрии, для Вены важно втравить европейские державы в большую войну и, воспользовавшись начавшимся хаосом, урвать себе еще какой-нибудь кусок балканской территории. «В роли же всеобщего обморачивания Австрия не знает себе соперников... и хотя на полях

⁸ Русское слово, 13.III.1913.

битвы ее всегда расколачивают, но в результате она непременно что-нибудь получает»⁹. По мнению «Московских ведомостей», великим державам следовало организовывать военную демонстрацию не против Черногории, а против Австро-Венгрии, которую газета называла главным возмутителем европейского мира и спокойствия.

В этом с «Московскими ведомостями» был солидарен октябристский «Голос Москвы», называвший кризис вокруг Скутари «грандиозным политическим скандалом», а Австрию — «европейским скандалистом», с самого начала балканского конфликта держащим остальные державы под страхом европейской войны¹⁰. К сожалению, отмечало издание, европейская дипломатия поддалась на запугивания и угрозы Австрии, которая на самом деле более всех остальных держав заинтересована в сохранении мира. «Голос Москвы» считал, что нет причин для дальнейшего отступления российской дипломатии, которая должна сделать все, чтобы город Скутари остался в руках черногорцев. Другой орган крупной русской буржуазии, газета «Утро России», также призывала министерство иностранных дел вести себя с Австро-Венгрией более энергично и твердо. «Австриец не уважает нерешительного, колеблющегося партнера в дипломатической игре. Он признает только силу. Он моментально стушевывается, как только противник заговорит властно и определенно»¹¹.

Большую тревогу у русской прессы вызывало принципиальное согласие России, Франции и Англии на участие в античерногорских военных демонстрациях. Это расценивалось как отказ от принципа невмешательства, которым руководствовались державы с самого начала Балканской войны.

Кадетская «Речь» в данной связи отмечала, что, если европейский концерт предоставит Австрии мандат на принуждение Черногории к выполнению решений Лондонского совещания, он фактически санкционирует австрийскую оккупацию Северной Албании. Это полностью обесценит все прежние российские уступки Австрии, в том числе и согласие на создание албанского государства, поскольку все эти уступки имели смысл тогда, когда страны Антанты и Тройственного союза воздерживались от одностороннего вмешательства в балканский конфликт¹². Такие же опасения высказывало и «Русское слово», отмечавшее, что игра в карательные экспедиции воскрешает практику времен Священного союза: причем, как тогда, так и теперь интервенция предпринимается прежде всего в интересах Габсбургов. Нет никаких гарантий того, что войска той державы, которая выступит в качестве уполномоченного европейским концертом карателя, уйдут с занятых территорий после выполнения своей миссии, предупреждала газета. Страны Антанты, согласившиеся на принудительные меры против черногорцев, забыли, «как опасно пускать австрийского козла в огород»¹³.

Конфликт вокруг Скутари принял неожиданный оборот 23(10) апреля 1913 г., когда между командующим скутарийским гарнизоном Эссад-пашой и властями Черногории было заключено соглашение, в соответствии с которым Эссад сдавал крепость осаждающим войскам и признавал Скутари территорией Черногории, в ответ Цетинье объявило о признании Эссада, являвшегося одним из самых влиятельных албанских вождей (лидером происходящего из Тираны клана Топтани), правителем Албании. Этот маневр Черногории был, несомненно, ее большим политическим успехом, поскольку сами албанцы в лице Эссада признали Скутари частью черногорского государства. Отныне Вена, продолжая настаивать на включении Скутари в состав

⁹ Московские ведомости, 22.III.1913.

¹⁰ Голос Москвы, 19.IV.1913.

¹¹ Утро России, 12.II.1913.

¹² Речь, 20.III.1913.

¹³ Русское слово, 19.III.1913.

Албании, делала это как бы против желания самих албанцев. Уже на следующий день черногорские войска вступили в Скутари.

В правящих кругах империи Габсбургов этот хитрый политический ход черногорского короля вызвал возмущение и желание примерно наказать непослушного южного соседа. 2 мая (19 апреля) 1913 г. на заседании объединенного совета австрийских и венгерских министров министр иностранных дел граф Л. Берхтольд заявил, что вопрос о Скутари чрезвычайно важен для всей программы балканской политики Вены и затрагивает престиж монархии. Он не оставил никаких сомнений, что ради защиты того и другого Австро-Венгрия готова выйти из концерта держав и начать самостоятельные не согласованные с остальными державами действия на Балканах. В начале мая 1913 г. Австро-Венгрия, угрожая единоличными карательными мерами Черногории, требовала от держав немедленно осуществить десантную операцию на черногорской территории и даже начать обстрел черногорских портов Дульциньо и Антивари. Начался самый опасный этап Скутарийского кризиса.

Известие о падении Скутари вызвало среди российской общественности смешанные чувства. С одной стороны, внушало опасения поведение Австро-Венгрии, которая ради спасения престижа могла пойти на риск войны с Черногорией и всем Балканским союзом. С другой — подавляющее большинство газет расценило сделку между королем Николаем и Эссадом как крупное поражение прославленной австро-венгерской дипломатии, которая, наконец-то, попала в глупое положение. Отдельным изданиям события вокруг Скутари дали повод заявить даже о полном провале всего курса балканской политики Австро-Венгрии, последняя, создав своими собственными руками Албанию и перессорившись из-за этого с балканскими победителями, стоит теперь перед перспективой потери всякого влияния среди албанцев, демонстрирующих строптивость и нежелание подчиняться директивам с Бальхаусплатц.

«Утро России» отмечало, что никогда еще за полгода Балканской войны опасность общеевропейского конфликта не была такой реальной, как после занятия черногорцами Скутари. Австрийцы не просто возмущены, они ошеломлены таким оборотом албанского вопроса. Сделка черногорских властей с Эссадом срывает осуществление курса министров иностранных дел А. Эренталя и его преемника Л. Берхтольда на утверждение австрийской гегемонии на Балканах. «Король Николай произвел великолепный шахматный ход, объявив шах австрийскому ферзю»¹⁴. Газета делала вывод, что заигравшаяся в свои интриги австрийская дипломатия сама оказалась в безвыходной ситуации: все материальные и политические издержки создания независимой Албании оказались потраченными впустую.

Так же характеризовали положение Австрии и октябристы. «Голос Москвы» писал: «Рука исторической Немезиды видна во всей этой трагикомической истории: Австрия безнадежно запуталась в своих сетях, и почетного и выгодного выхода из них нет»¹⁵. Победы Балканского союза, столь же неожиданные, сколь и стремительные опрокинули всю традиционную политику Австрии; в Вене уже не могут мечтать о Салониках и Эгейском море. Л. Берхтольд попытался исправить положение созданием отдельной Албании, но это новорожденное государство «грозит сделаться для нее ловушкой, из которой нет почетного выхода»¹⁶. Октябристы считали, что планы Эссада вполне отвечают русским интересам, так как ослабляют влияние Австрии. Главная цель империи Габсбургов создать из Албании инструмент антисербской и античерногорской политики, по мнению «Голоса Москвы», потерпела крушение.

¹⁴ Утро России, 19.III.1913.

¹⁵ Голос Москвы, 28.IV.1913.

¹⁶ Там же.

Крайне забавным казалось положение Австро-Венгрии черносотенной «Земщины». «Австрийцев провели и одурачили. Крошечная страна оставила с длинным носом дипломатию Австрии, выходявшую всегда из всех осложнений победительницей. Восточная дипломатия перехитрила западную»¹⁷, — писал главный редактор этой газеты С. К. Глинка-Янчевский. Он считал, что если среди руководства Австро-Венгрии еще существует чувство самосохранения, то Вена примет найденный Россией компромисс (Черногория отказывается от города Скутари, но в качестве компенсации получает большую часть Скутарийской равнины), если нет, то Дунайская монархия втянется в войну, которая, скорее всего, станет последней в ее истории.

Видный публицист «Нового времени» М. О. Меньшиков был уверен, что в случае военного конфликта с Австро-Венгрией черногорцы не останутся в одиночестве. В статье, опубликованной 3 мая (20 апреля) 1913 г., он писал, что в случае вторжения австрийских и венгерских войск в Черногорию Италия вряд ли упустит шанс на окончательное объединение всех итальянцев под властью Савойской династии и на превентивное уничтожение усиливающегося на Адриатике австрийского флота. По образному выражению Меньшикова, существующие между Австрией и Италией противоречия «заставляют обе “союзные” страны жать друг другу руки, держа в свободных руках отточенные кинжалы»¹⁸. Он не видел ничего невероятного в возможности вступления Италии в Балканский союз, который после этого разорвет Австрию «с легкостью лоскутного одеяла». В случае крайней необходимости, предполагал Меньшиков, на сторону Черногории встанет и российская армия.

По мнению «Московских ведомостей», Австрии, для которой победа балканских союзников над Османской империей стала *memento mori*¹⁹, уже нечего терять, поэтому ее политика столь агрессивна. «Она, склеенная из народностей, взаимно враждующих, не способна их объединить на таких государственных основаниях, которые бы их удовлетворяли и были бы прочны»²⁰. Газета была уверена, что империя Габсбургов обречена, и после разгрома Турции именно это государство становится «большим человеком» Европы, над разделом его наследства скоро предстоит задуматься дипломатам европейских держав. Утратив смысл своего государственного существования, Австрия может жить только, подрывая европейский мир насилиями и провокациями. «Существование нынешней Австрии всем вредно, для всех является источником кровопролитий, пользы же *никому* не сулит»²¹, — утверждали «Московские ведомости» в разгар кризиса из-за Скутари.

В начале мая 1913 г. у австрийцев было уже все подготовлено для военной акции против Черногории: составлен подробный план боевых действий, назначены лица для управления войсками и т.д. При этом министр иностранных дел двуединой империи граф Берхтольд рекомендовал ограничиться первоначально ударом только по Черногории, а глава Генштаба Ф. Конрад фон Хётцендорф и военный министр А. Кробатин предлагали одновременно ударить по Черногории и Сербии. Австрийские газеты начали ожесточенную кампанию против России, Сербии и Черногории. Тем самым создавалось информационное прикрытие предстоящей военной операции.

Российская дипломатия делала в эти дни все, чтобы, с одной стороны, не допустить принудительных мер в отношении упрямой Черногории, а с другой — убедить короля Николая Негоша отказаться от Скутари за финансовые и территориальные компенсации со стороны держав. Мирное решение Скутарийского кризиса

¹⁷ Земщина, 19.IV.1913.

¹⁸ Новое время, 20.IV.1913.

¹⁹ помни о смерти (*лат.*)

²⁰ Московские ведомости, 20.IV.1913.

²¹ Там же.

осложнялось крайне неуступчивой позицией Вены и поддерживающего ее Берлина, которые и слышать ничего не хотели ни о каких компенсациях для Черногории, настаивая на безоговорочном исполнении своих условий. В конце концов, Черногории пришлось отступить: 4 мая (21 апреля) 1913 г. король Николай отправил телеграмму председателю Лондонской конференции английскому министру иностранных дел Э. Грею, в которой сообщил о своем решении отказаться от Скутари без всяких условий. Спустя 10 дней Скутари перешло под управление международной комиссии во главе с британским адмиралом С. Бёрнеем.

Факт отказа черногорцев от Скутари был неоднозначно воспринят в российских политических кругах: с одной стороны, это избавляло Европу от перспективы втягивания в Балканскую войну новых держав, способствуя значительному снижению политической напряженности, но, с другой — тяжелое решение, принятое черногорцами под вызывающим давлением Австро-Венгрии, означало еще один успех дипломатов с Бальхаусплатц, еще одно доказательство силы Тройственного союза и бессилия Антанты, еще одно отступление России в балканском вопросе. Российские газеты, только за две недели до этого иронизировавшие над смешным и «безвыходным» положением, в котором оказалась австрийская дипломатия вследствие сдачи Эссадом Скутари, теперь, после официального отказа Черногории от этой крепости, вынуждены были еще раз признать силу и изворотливость габсбургской дипломатии, умеющей выпутываться из, казалось бы, самых сложных и безнадежных ситуаций.

«Утро России» усматривало главную силу Австро-Венгрии именно в «наглости и смелости» ее дипломатии, которая буквально затерроризировала Европу угрозой зажечь пожар континентальной войны. Остальные державы поддаются этому гипнозу, хотя они не могут не осознавать, что война есть смертельная опасность, прежде всего для самой Австрии, этой «состоящей из слабо сотканых лоскутков монархии»²². Газета прогрессистов была убеждена, что Вене удастся ослеплять остальную Европу «миражем своей политической гегемонии» только благодаря неконсолидированности и слабости Антанты. Это обстоятельство казалось ей особенно печальным, поскольку Германия, по ее мнению, не собиралась в 1913 г. ввязываться в войну с Россией, Англией и Францией из-за австрийских интересов.

«Земщина» считала, что «вероломство и предательство» Австрии не вызваны какими-то субъективными причинами, а являются условиями самого существования этого государства. Не имея внутренней силы, Австрии, окруженной со всех сторон державами, готовыми оторвать от нее по значительному куску, приходится постоянно прибегать к хитрости, коварству, обману для продления своего существования, пользоваться соперничеством других великих держав, склоняя на свою сторону более сильных. «Отсюда — утонченность, изворотливость, вероломство австрийской дипломатии»²³.

«Новому времени» окончание Скутарийского кризиса дало повод еще раз указать на странное несоответствие между реальной силой Австро-Венгрии и успехами этой страны на международной арене. Газета подчеркивала, что финансовое положение Дунайской монархии плачевное, борьба между национальностями обострилась в высшей степени, а союзники этого государства, немцы и итальянцы, не собирались рисковать общеевропейской войной из-за австрийских притязаний на Скутари. В этих условиях стоило странам Антанты, и прежде всего России, проявить немного больше выдержки и усилий «и “дипломатические Цусима и Мукден” могли превратиться в “дипломатические Мадженту и Садовую”»²⁴, — писало «Новое время», намекая на

²² Утро России, 26.IV.1913.

²³ Земщина, 10.V.1913.

²⁴ Новое время, 11.II.1913.

сокрушительные поражения Австрии в войнах 1859 и 1866 гг. Уступчивость российской дипломатии в отношении слабой, стоящей на грани банкротства Австрии, по мнению газеты, была совершенно недопустимой: она лишь вселяла в австрийцев уверенность в полной беспомощности российского государства и поощряла их к новым агрессивным акциям на Балканах.

Через несколько недель после окончания Скутарийского кризиса подписанием Лондонского мирного договора завершилась война между Османской империей и Балканским союзом. Побежденные турки вынуждены были уступить своим противникам остров Крит и все территории на Балканском полуострове к западу от линии Энос — Мидье (за исключением Албании, признанной великими державами и участниками Лондонского мирного договора независимым государством). Однако ситуация на Балканах оставалась взрывоопасной. Лондонский договор не удовлетворил победителей. Между сербами и греками, с одной стороны, и болгарами — с другой, еще в ходе войны с Турцией вспыхнул острый политический конфликт из-за раздела завоеванной Македонии. Не желая идти на уступки и твердо веря в свое военное превосходство, обе стороны начали активно готовиться к военному решению спора. Как отмечает П. А. Искендеров, «сильного внешнего неприятеля в лице Османской империи больше не существовало, и вместе с концом турецкого владычества в Европе пришел конец идеям балканского союза и славянской солидарности»²⁵. Как только в Лондоне был подписан мир с оттоманской Портой, правительства Греции и Сербии заключили строго секретный союзный договор, направленный против Болгарии.

Размолвка между победителями Турции предоставила австрийской дипломатии уникальный шанс восстановить свои позиции в качестве вершителя судеб балканских народов. Стремясь к разрушению балканского военно-политического блока, граф Берхтольд подталкивал Болгарию к войне с союзниками, обещая предоставить заем, дать гарантии территориальной целостности Болгарии в случае неудачного для нее исхода войны, а также организовать албанские банды для диверсий против сербских войск в Косово и Македонии. Посол Австро-Венгрии в Софии А. Тарновский подогревал антисербские настроения правящих кругов Болгарии. Одновременно австрийские послы в Бухаресте К. Э. Фюрстенберг и в Стамбуле Я. Паллавичини пытались склонить правительства Румынии и Турции к сохранению нейтралитета в случае начала войны, дабы не усложнять положение Болгарии. Усилия Бальхаусплатц не пропали даром: Болгария, руководимая военной партией во главе с царем Фердинандом и генералом М. Савовым, взяла курс на сближение с империей Габсбургов и полный разрыв со своими союзниками по антитурецкой коалиции.

В России весьма болезненно восприняли развал Балканского союза, созданного в 1912 г. при активном участии российской дипломатии. Относительно роли Австро-Венгрии в разгорающемся на Балканах конфликте российская пресса была практически единодушна: империя Габсбургов не без оснований называлась главным провокатором, стравливающим балканских союзников в борьбе за раздел турецкого наследства.

Кадетская «Речь» писала, что австрийская дипломатия играет в беспроеигрышную игру: «кто бы из союзников ни проиграл в открытом конфликте, выиграет во всяком случае Австрия»²⁶. По мнению «Русских ведомостей», империя Габсбургов, не будучи в состоянии радикально обновиться, пыталась сохранить свое влияние на Балканах так же, как это делали турки после 1878 г. — за счет стравливания балканских народов,

²⁵ Искендеров П. А. Балканские войны 1912–1913 гг. — В «пороховом погребе Европы» 1878–1914. М., 2003, с. 494.

²⁶ Речь, 17.V.1913.

не умеющих и не желающих жить в мире²⁷. «Московские ведомости» сообщали, что в Вене и Берлине уже ожидают скорого перехода Болгарии на сторону Тройственного союза; «братоубийственная война славянских государств была бы встречена там с восторгом, как осуществление заветных мечтаний немцев»²⁸. «Новое время», в свою очередь, выражало восхищение мастерством и гибкостью дипломатов с Бальхаусплатца. За несколько дней до начала второй Балканской войны эта газета писала: «Деятельность австро-венгерской дипломатии преступна, но с технической точки зрения заслуживает почтительного удивления. Свести к нулю благороднейшие намерения величайшей в Европе державы; оторвать от нее народы, ею созданные; убедить их в невозможности примирения; стравить их в смертельной борьбе, где победа ничем не лучше поражения, — разве это не вершина дипломатического искусства?»²⁹.

Подозрения относительно подстрекательской роли Австро-Венгрии в межсоюзническом конфликте, казалось, полностью подтвердились после речи главы венгерского правительства И. Тисы в венгерской палате депутатов 20(7) июня 1913 г. Касаясь положения на Балканах, он заявил, что если сербы и болгары хотят решить свой спор военным путем, то они имеют на это полное право, всякое же вмешательство в эту распрю с предложением арбитража есть покушение на независимость балканских стран.

В русской прессе речь венгерского премьер-министра была воспринята как циничное изложение политической программы империи Габсбургов в отношении балканских государств, как яркое саморазоблачение австро-венгерской дипломатии. «Новое время» отмечало, что речь Тисы демонстрирует, какого рода свободу признают Вена и Будапешт за балканскими народами — это свобода беспрепятственно резать друг друга на благо Дунайской империи. Когда ослабленные борьбой балканские спорщики почувствуют потребность в благосклонности и дружбе Австро-Венгрии, та сумеет продиктовать выгодные для себя условия территориального разграничения на юго-востоке Европы. За неделю до начала Межсоюзнической войны «Новое время» предупреждало, что после столь откровенных признаний главы венгерского правительства политики в Софии и Белграде должны еще раз задуматься, в чьих интересах они действуют, не желая решать свой спор мирным путем³⁰.

Однако все призывы российской прессы оказались напрасными. Предотвратить военный конфликт не удалось. 29(16) июня 1913 г. болгарские войска перешли в наступление против сербов и греков. Начало войны между вчерашними союзниками было воспринято русским обществом как огромная победа дипломатии Австро-Венгрии и лично графа Берхтольда. «Русские ведомости» подчеркивали, что война создала совершенно новую ситуацию, при которой Австрия, «совсем было проигравшая свою игру на Балканах, опять имеет в своих руках чуть ли не все козыри»³¹. «Новое время» писало, что каким бы ни был исход вооруженного конфликта, послевоенное устройство Балканского полуострова будет зависеть не от сербов, болгар или греков, а от Австро-Венгрии, которая выступит в подходящий момент, «сметет рукавом со стола все их карты и распределит выигрыши и проигрыши по своему усмотрению, как сочтет нужным не для их, а для своих выгод»³². С этим был согласен и журнал «Вестник Европы», отмечавший в июле 1913 г.: «Венский кабинет стоит теперь за свободу действий сербов, болгар и греков; он ничего не имеет против того, чтобы Сербия была

²⁷ Русские ведомости, 10.IV.1913.

²⁸ Московские ведомости, I.VI.1913.

²⁹ Новое время, 11.VI.1913.

³⁰ Новое время, 8.VI.1913.

³¹ Русские ведомости, 17.VII.1913.

³² Новое время, 27.VI.1913.

“проучена” болгарами и чтобы бывшие союзники перегрызли друг другу горло после чрезмерных совместных побед над Турцией. Австрийцы надеются, что скоро наступит момент, когда разгоряченные спорщики почувствуют потребность в благосклонности и дружбе Австро-Венгрии, которая со своей стороны сумеет поставить свои условия”³³.

Тем временем болгарское наступление на позиции сербов и греков в Македонии закончилось полным провалом. В ходе продолжавшегося несколько дней сражения на реке Брегалнице армия царя Фердинанда была разбита. Антиболгарская коалиция постоянно расширялась. С самого начала войны на стороне Сербии выступили черногорцы. 3 июля (20 июня) мобилизацию начала Румыния, которая спустя неделю ввела свои войска на территорию Болгарии, потребовав исправления границы и уступки почти всей Добруджи. Вскоре румынские войска, не встречая сопротивления, подошли к Софии. Тяжелым положением болгар воспользовались и турки, нарушившие Лондонский мир и вторгшиеся во Фракию. За несколько дней они заняли Люле-Бургас, Кирк-Килисе, а 23(10) июля 1913 г. восстановили контроль над Адрианополем, оставленным без боя болгарским гарнизоном.

На фоне расширения войны, втягивания в нее все новых стран в российской прессе росли опасения в связи с поведением Австро-Венгрии: не исключалось, что Вена, дабы не допустить полного разгрома Болгарии и помешать усилению Сербии, сама решительно вмешается в войну, тем более что в этом случае австрийцы получат возможность, воспользовавшись балканской смутой, оккупировать Новобазарский санджак и окончательно утвердиться в Албании. При этом отмечалось, что самостоятельные действия Румынии, фактически вступившей в войну на стороне ненавистой австрийцам Сербии, в значительной мере спутали карты венской дипломатии.

Корреспондент «Нового времени» в Австро-Венгрии Д. Янчевецкий сообщал, что румынское выступление стало неприятным сюрпризом для венских и будапештских политиков, которые теперь обвиняют румын в измене Тройственному союзу и переходе на сторону Антанты и сербо-греческого блока³⁴. Наблюдения Янчевецкого подтверждались и сообщениями венского корреспондента «Русских ведомостей» П. Звездича (П. И. Ротенштерна), он писал, что вступление в войну против Болгарии Румынии, нарушающее все планы Австрии на Балканах, произвело в Вене «ошеломляющее впечатление». С Румынией империя Габсбургов всегда чувствовала тесную связь, основанную на страхе перед Россией и панславизмом. Теперь же эта связь рушится. «От Австрии, как от обреченной, начинают уже отказываться самые близкие друзья»³⁵, — делал вывод Звездич. «Русское слово», в свою очередь, не скрывало удовлетворения по поводу вступления румынских войск в пределы Болгарии. По мнению газеты, это действие бухарестского правительства означает фактически разрыв с Австрией, в фарватере которой Румыния двигалась последние 30 лет³⁶.

В результате второй Балканской войны болгары потерпели сокрушительное поражение. Атакованная сразу с четырех сторон, Болгария капитулировала уже 29(16) июля 1913 г. На следующий день в столице Румынии Бухаресте начались мирные переговоры между болгарами и их противниками. Во время работы Бухарестской мирной конференции Россия и Австро-Венгрия, преследуя противоположные цели, отстаивали интересы разгромленной Болгарии. Россия стремилась своей поддержкой болгарских притязаний не допустить окончательного перехода этой балканской страны на сторону австро-германского блока. К тому же не в интересах России было

³³ Вестник Европы, 1913, июль, с. 420–421.

³⁴ Новое время, 14.VII.1913.

³⁵ Русские ведомости, 21.VI.1913.

³⁶ Русское слово, 25.VI.1913.

подпускать греков, все больше увлекавшихся идеей восстановления Византийской империи с центром в Константинополе, слишком близко к Босфору и Дарданеллам. Австрийская дипломатия, напротив, надеялась своим демонстративным покровительством болгарам еще больше укрепить свое влияние в Софии, вовлечь Болгарию в Тройственный союз, а также по возможности ослабить Сербию, не позволив ей захватить слишком много земель в Македонии.

Особенно упорной на бухарестских переговорах оказалась дипломатическая борьба за порт Кавала, на который претендовали греки и болгары. По вопросу о судьбе Кавалы великие державы разделились на две довольно странные группы — Россия, Австрия и Италия поддерживали позицию Софии, а Франция, Германия и Англия выступили за передачу этого порта грекам. В результате баланс сил оказался не в пользу Болгарии. Дипломатическая борьба за Кавалу закончилась победой Греции. По условиям подписанного 10 августа (28 июля) 1913 г. Бухарестского мирного договора (между Болгарией, с одной стороны, и Сербией, Черногорией, Грецией и Румынией — с другой) побежденные болгары вынуждены были отказаться от большей части приобретений первой Балканской войны, а также от Южной Добруджи, которая отходила к Румынии.

Итоги Межсоюзнической войны породили в болгарском обществе сильные реваншистские настроения и стремление к сближению с Австро-Венгрией и другими государствами Тройственного союза, которые казались естественными союзниками против Сербии и Греции. Балканский союз, созданный усилиями российской дипломатии, летом 1913 г. распался, однако в ходе второй Балканской войны сложился новый альянс на антиболгарской основе — Сербии, Черногории, Румынии и Греции. Учитывая, что первые три участника этой политической комбинации имели серьезные конфликты интересов с Австро-Венгрией, а Греция находилась во враждебных отношениях с Италией (из-за оккупации итальянцами в ходе итало-турецкой войны 1911—1912 гг. населенных греками островов Додеканез), этот альянс потенциально был направлен и против Тройственного союза.

Особенно неприятным для австрийцев было укрепление позиций Сербии. Бывший министр иностранных дел России С. Д. Сазонов в мемуарах писал, что «существование этого государства на самых границах Австро-Венгрии было несовместимо с видами венской дипломатии, которой, однако, удалось лишь в незначительной мере и не на долгое время задержать его государственный рост лишением его свободного доступа к Адриатическому морю»³⁷. Но и без североалбанских земель территория Сербии в результате Балканских войн увеличилась в два раза, а население возросло с 2,9 млн до 4,4 млн человек³⁸. Отныне Сербия имела общую границу с Черногорией, что открывало путь для объединения двух этих югославянских государств. Не удивительно, что вскоре после подписания Бухарестского мирного договора, столь усилившего Серию, австрийское министерство иностранных дел заявило, что будет бороться за пересмотр некоторых его наиболее тяжелых для Болгарии постановлений.

Сближение позиций России и Австро-Венгрии во время работы Бухарестской мирной конференции было воспринято всей русской прессой как временное и в значительной степени случайное, обусловленное стремлением обеих сторон укрепить свой авторитет среди болгарских политиков и в глазах болгарского общества. Оценки русско-австрийской кооперации в вопросе о Кавале зависели от отношения конкретного органа периодики к Болгарии. Проболгарски настроенные кадетские издания восприняли совместный австро-русский демарш сдержанно положительно. Так, «Русские ведомости» считали, что обе державы на этот раз

³⁷ Сазонов С. Д. Воспоминания. Берлин, 1927, с. 120.

³⁸ Jelavich B. History of the Balkans. V. 2. Twentieth Century. Cambridge, 1983, p. 110.

могут найти точки соприкосновения для урегулирования конфликта на Балканах. Основой совместных действий Вены и Петербурга является их общая незаинтересованность в уничтожении политического влияния Болгарии в этом регионе. Еще в разгар Межсоюзнической войны эта газета писала, что без австро-русского взаимопонимания «балканский пожар вряд ли будет скоро потушен»³⁹.

Черносотенные же газеты, видевшие в Болгарии агента австрийского влияния на Балканах и призывавшие русскую дипломатию сделать ставку на Сербию, выступили против передачи Кавалы в руки болгар и, соответственно, против усилий дипломатов России и Австро-Венгрии в этом направлении. Распространившиеся слухи о том, что Вена и Петербург будут настаивать на пересмотре уже заключенного Бухарестского мирного договора в пользу болгар, вызвали возмущение главного редактора «Земщины» С. К. Глинки-Янчевского, писавшего, что не в интересах России покровительствовать «тайному союзнику Австрии». Поддерживая Болгарию в вопросе о Кавале, указывал Глинка-Янчевский, русская дипломатия создает впечатление, будто Россия поддерживает только тех, кому благоволит Австро-Венгрия. Поэтому лучшее средство окончательно подорвать престиж России на Балканах — солидаризироваться с Веней в отстаивании болгарских интересов⁴⁰.

Впрочем, некоторые российские газеты вообще не верили в серьезность австрийских требований пересмотреть условия Бухарестского мирного договора. «Новое время» писало, в частности, что, настаивая на исправлении границ, определенных на конференции в столице Румынии, австрийцы на самом деле к этому и не стремятся: для них важно создать в Софии впечатление того, что империя Габсбургов на стороне болгар и реализовать свои несбывшиеся мечты болгары могут, только следуя в фарватере ее балканской политики. Чем более неудовлетворенной и озлобленной останется после этой войны Болгария, тем это лучше для Австро-Венгрии. Ей «нужно продолжение на Балканском полуострове смуты и беспокойного волнения, обессиливающего в равной степени и Сербию, и Болгарию. Вот объяснение болгарофильства австро-венгерской дипломатии»⁴¹.

Завершение боевых действий на Балканском полуострове не привело к падению интереса русского общества к происходящим там событиям. На протяжении последующих нескольких месяцев после подписания Бухарестского мирного договора газеты и журналы России активно обсуждали новую расстановку сил, сложившуюся в Юго-Восточной Европе. Пресса стремилась подвести итоги двух Балканских войн и оценить, каким образом эти драматические события отразились на международном положении великих держав, прежде всего Австро-Венгрии — главного оппонента России в регионе. В данной связи высказывались разные, зачастую прямо противоположные, точки зрения: от утверждения о полном торжестве австрийской дипломатии, сумевшей разрушить Балканский союз и перетянуть на свою сторону стремящихся к реваншу болгар, до заявлений о провале стратегии Бальхаусплатц на Балканах, где на месте одного союза с антитурецкой направленностью возник новый — настолько же антиболгарский, насколько и антиавстрийский, включивший в себя и Румынию. Такая разноголосица в русской прессе была связана с крайне запутанной ситуацией, сложившейся на Балканах после подписания Бухарестского мира, и с тем обстоятельством, что комплексные результаты двух Балканских войн несли для Австро-Венгрии и России как плюсы, так и минусы.

«Новое время», исходя из того, что российской дипломатии нужно было сохранить Балканский союз, а австрийской разрушить его, делало вывод, что по всей

³⁹ Русские ведомости, 3.VII.1913.

⁴⁰ Земщина, 20.VII.1913.

⁴¹ Новое время, 2.VIII.1913.

линии австрийская дипломатия одержала полную победу. В сентябре 1913 г. эта газета следующим образом подводила итоги двух Балканских войн: «ослаблена Сербия, ослаблена Болгария, ослаблена Черногория. Созидается Албания. Вновь возродилась вражда Болгарии с Грецией, Болгарии с Сербией. Вообще на Балканском полуострове обильно заложены поводы вражды всех со всеми. Все не удовлетворены и все злобствуют друг на друга. А венцом всего — все злобствуют на Россию! Это ли не успех?»⁴². Триумф Австро-Венгрии, по мнению «Нового времени», стал возможен только благодаря слабости, нерешительности и неконсолидированности стран Антанты. На протяжении всего балканского кризиса 1912–1913 гг. их дипломатия действовала пассивно и следовала в фарватере политики Германии и Австро-Венгрии.

«Русские ведомости» полагали, что Вена, развалив Балканский союз и стравав его участников в войне за раздел завоеванных территорий, одержала блестящую тактическую победу, которая, однако, не решает главной проблемы двуединой Габсбургской империи — национальной. Практикуя политику, основанную на принципе «разделяй и властвуй», Австро-Венгрия способна еще одерживать временные победы, но они лишь оттягивают неизбежное решение национального вопроса на основе предоставления всем национальностям империи равных прав. Своей же балканской политикой, нацеленной на унижение сербского народа, Вена только обостряет те национальные проблемы, что представляют опасность для ее государственного существования⁴³.

На эфемерность австрийских побед указывало и «Русское слово». В ноябре 1913 г. оно отмечало, что в ходе Балканских войн Дунайская империя добилась исполнения своих требований только по второстепенным пунктам, в главном же — она потерпела поражение «по всему фронту»⁴⁴. При разделе турецкого наследства Австро-Венгрии не досталось ничего, путь к Эгейскому морю навсегда закрыт для нее Сербией и Грецией. Создание отдельной Албании — слабое утешение для австрийцев, которым придется отныне вести упорную борьбу за влияние в этой отсталой стране со своими союзниками итальянцами. Сербия и Черногория после всего произошедшего — злейшие враги Австрии, и о примирении с ними не может быть и речи. Румыния очутилась в лагере австрийских противников. Разгром Турции, по мнению «Русского слова», ослабил на Ближнем Востоке позиции всего Тройственного союза. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии «мечется из стороны в сторону, не зная, к кому примкнуть и где найти точку опоры». В результате немцам и австрийцам приходится делать ставку на разгромленную и истощенную Болгарию.

Негативно для Австро-Венгрии оценивали итоги двух Балканских войн рупоры крупной русской буржуазии — «Утро России» и «Голос Москвы». В августе 1913 г. «Утро России» писало, что вследствие драматических событий на Балканах сплоченность Тройственного союза оказалась в значительной мере поколебленной: создание Албании привело к усилению антагонизма между Австрией и Италией, а вопрос о пересмотре Бухарестского мира выявил существенные разногласия между Австрией и Германией. В результате «Австрия чувствует себя изолированной», и в этой изолированности она ищет сближения даже с Россией. «Утро России» сообщало, что вся австрийская пресса полна статей с призывом к России мириться, забыв прежние конфликты. Газета не верила в искренность и серьезность этих

⁴² Новое время, 22.IX.1913.

⁴³ Русские ведомости, 15.XI.1913.

⁴⁴ Русское слово, 12.XI.1913.

заявлений, рассматривая их лишь как средство давления на Германию, которая в последнее время как будто тяготится своим австрийским союзником⁴⁵.

«Голос Москвы», в свою очередь, обращал внимание на то, что возникший в ходе второй Балканской войны союз Сербии, Черногории, Румынии и Греции может выставить армию в 1 млн штыков и собственными силами прикончить «ненавистную всему славянству лоскутную монархию»⁴⁶. Октябристская газета надеялась, что новый альянс на Балканах будет проводить политику, дружественную Англии, России и Франции. Если даже он и не примкнет формально к Антанте, то «их дороги все же совпадут», поскольку все страны нового Балканского союза находятся в антагонизме либо с Австрией, либо с Италией. Даже не наступательная, а оборонительная политика Балканского союза представляет огромную угрозу для Габсбургской империи. «Двери на Балканы для нее отныне наглухо закрыты, и роль ее как вершительницы судьбы полуострова потеряна безвозвратно»⁴⁷.

«Московские ведомости» подчеркивали, что Балканские войны разрушили австрийские планы продвижения к Салоникам, а создание Албании не может компенсировать усиление Сербии и закрытие пути к Эгейскому морю, хотя бы потому что на преобладание в Албании претендуют и союзники-соперники австрийцев итальянцы. «Австрия поэтому, конечно, не прекратит своих происков. Она не даст успокоиться балканским народам и явно желает натравить Турцию с Болгарией на Сербию и Грецию»⁴⁸, — писала газета в октябре 1913 г.

Схожую точку зрения в оценке итогов Балканских войн для Австро-Венгрии занимала и кадетская «Речь». Австрийский корреспондент этой газеты М. Б. Ратнер приходил к выводу, что Габсбургская монархия не извлекла из конфликта ровным счетом никаких выгод. Причина этого — иррациональная ненависть к Сербии и сербам, мешающая австрийцам пересмотреть весь курс своей балканской политики. Сербобоязнь, по наблюдениям Ратнера, охватила как широкие народные массы, так и политическую и военную элиту Австро-Венгрии и превратилась в своего рода модную болезнь. «Этой болезнью болел на склоне дней граф Эренталь, ее же, неизлечимую, он передал по наследству нынешнему вершителю судеб Австрии графу Берхтольду»⁴⁹. В результате весь внешнеполитический курс двуединой империи оказался построен на шатком основании вражды к южному соседу и к собственным гражданам югославянского происхождения.

Сменивший М. Б. Ратнера в качестве собственного корреспондента «Речи» в Австро-Венгрии В. Викторов отмечал пессимистический настрой большинства австрийцев относительно будущего их страны. «Плохо!.. Австрия разлагается!.. Австрия гибнет!.. Австрия пропала!.. Эта краткая, но решительная оценка положения безапелляционна, безнадежна, всеобща»⁵⁰, — писал он в одной из своих первых статей из Вены. Причиной столь мрачного настроения подданных императора Франца Иосифа является глубокий кризис, в котором оказалась одновременно внешняя политика, внутренняя политика и экономика Австро-Венгрии. Викторов писал, что все политики и дипломаты империи едины в стремлении поддержать Болгарию против чрезмерно усилившейся Сербии. Однако и они понимают, что дружба с Болгарией — недостаточная компенсация за провалы австрийской политики последнего времени⁵¹.

⁴⁵ Утро России, 18.VIII.1913.

⁴⁶ Голос Москвы, 18.XII.1913.

⁴⁷ Голос Москвы, 8.VIII.1913.

⁴⁸ Московские ведомости, 15.X.1913.

⁴⁹ Речь, 6.VII.1913.

⁵⁰ Речь, 20.VIII.1913.

⁵¹ Речь, 24.VIII.1913.

* * *

Нельзя не согласиться с Д. Ливеном, написавшим в недавно вышедшей монографии: «Традиционная, глубоко укоренившаяся российская политика поддержки балканских славянских государств вступала в принципиальный конфликт с интересами Австрии»⁵². Этот конфликт со всей силой проявился во время двух Балканских войн, которые предшествовали великой войне 1914 г. и во многом стали ее катализатором. Анализ прессы показывает, что политика Австро-Венгрии приковывала к себе пристальное внимание русского общества на протяжении всего балканского кризиса 1912–1913 гг. Империя Габсбургов, противодействовавшая Балканскому союзу, в первую очередь Сербии и Черногории, и стремившаяся путем создания Албании ограничить приобретения двух этих православных славянских государств, воспринималась в России в качестве главного врага славянства.

Осенью 1912 г. русская пресса выражала серьезные опасения по поводу возможных действий Австро-Венгрии в разгорающемся конфликте. Отмечалось, что война между Османской империей и коалицией Болгарии, Сербии, Греции и Черногории может перерасти в общеевропейское военное столкновение только в том случае, если Австро-Венгрия откажется от нейтралитета, попытавшись захватить силой часть турецкого наследства. При этом русское общество не признавало за Австро-Венгрией прав на какую-либо часть Европейской Турции, считая «законными наследниками» Османской империи балканские государства. В первые дни Балканской войны, когда еще не был ясен исход вооруженного конфликта между Турцией и ее противниками, в русской прессе преобладал пессимистический взгляд на развитие событий: часто высказывалось мнение, что главным победителем начавшейся войны станет империя Габсбургов, которой удастся навязать свой вариант перекройки карты Балканского полуострова обеим воюющим сторонам.

После того, как Вена в начале ноября 1912 г. потребовала создать отдельное албанское государство и не допустить расширения Сербии до Адриатического моря, прессы России самого широкого политического спектра (от либеральной до черносотенной) решительно осудила австрийские претензии и ультимативную форму, в которую они были облечены. Позиция Вены в албанском вопросе дала повод русским газетам и журналам подчеркнуть крайнее лицемерие и двуличность австрийской политики. Поведение империи Габсбургов, препятствовавшей национальному самоопределению входивших в ее состав народов (сербов, хорватов, румын, итальянцев и др.) и одновременно выступавшей на Балканах в роли защитницы права албанцев на независимое государственное существование, было расценено русскими изданиями как «циничное издевательство» над всей Европой.

Антиавстрийская риторика достигла своего пика в период двух острых международных кризисов, которыми сопровождалась первая Балканская война, — кризиса из-за выхода Сербии к Адриатике (ноябрь — декабрь 1912 г.) и Скутарийского кризиса (март — начало мая 1913 г.). Политика империи Габсбургов, настаивавшей на создании Албании в максимальных границах и угрожавшей в случае отклонения ее требований выйти из европейского концерта и перейти к самостоятельным действиям на Балканах, называлась в русской прессе политикой международного шантажа. Вену обвиняли в том, что она умело эксплуатирует страх европейских народов перед большой войной, какой Европа не знала с 1870 г. При этом подчеркивалось, что общеевропейская война будет губительна для самой Австро-Венгрии, слабой в военном и финансовом отношениях и раздираемой изнутри межнациональными противоречиями.

Русская пресса с сожалением констатировала, что благодаря мастерскому умению блефовать австрийской дипломатии удалось одержать ряд побед над своими

⁵² Ливен Д. Навстречу огню. Империя, война и конец царской России. М., 2017, с. 292.

противниками: добиться создания отдельного албанского государства, удалить черногорцев из Скутари и развалить Балканский союз, вызвав войну между Болгарией и Сербией из-за раздела Македонии. Если развал Балканского союза был воспринят всей русской прессой как наивысшее достижение австрийской дипломатии, как триумф Австрии, то уже в оценке результатов второй Балканской войны общественность России не была столь единодушна. Наряду с утверждениями о полном торжестве Австро-Венгрии в русской прессе довольно часто высказывалось мнение, что, развалив Балканский союз, империя Габсбургов одержала пиррову победу: вместо гегемонии Болгарии австрийцы получили на Балканах усилившуюся Сербию, вместо союза Болгарии, Румынии и Турции, о котором мечтали на Бальхаусплатц, возник блок Сербии, Греции, Черногории и Румынии, направленный как против болгарского реваншизма, так и против австрийского экспансионизма.

Библиография

Искендеров П. А. Балканские войны 1912–1913 гг. — В «пороховом погребе Европы» 1878–1914. М., 2003.

Ливен Д. Навстречу огню. Империя, война и конец царской России. М., 2017.

Сазонов С. Д. Воспоминания. Берлин, 1927.

Jelavich B. History of the Balkans. Vol. 2. Twentieth Century. Cambridge, 1983, p. 110.

References

Iskanderov P. A. The Balkan Wars of 1912–1913. — In the «powder magazine of Europe» 1878–1914. Moscow, 2003. (In Russ.)

Jelavich B. History of the Balkans. Vol. 2. Twentieth Century. Cambridge, 1983, p. 110.

Liven D. Towards the fire. Empire, war and the end of Tsarist Russia. Moscow, 2017. (In Russ.)

Sazonov S. D. Memoirs. Berlin, 1927. (In Russ.)